

Зевс наполняет все вещи, обитает во всех частях вселенной, является центром того, что обладает бытием, единое во всем, для чего единое есть все. Будучи всеми вещами и охватывая все бытие в себе, он делает то, что всякая вещь имеется во всякой вещи.

Но вы мне скажете: почему же вещи изменяются, почему частная материя устремляется к другим формам? Я отвечаю вам, что изменение ищет не другого бытия, но другого модуса бытия. И таково различие между вселенной и вещами вселенной; ибо первая охватывает все бытие и все модусы бытия; из вторых же каждая обладает всем бытием, но не всеми модусами бытия. И она не может актуально обладать всеми обстоятельствами и акциденциями, ибо многие формы несовместимы в одном и том же субстрате, или потому, что они противоположны ему, или потому, что они принадлежат различным видам; как не может быть одного и того же индивидуального субстрата относительно акциденции лошади и человека, относительно размеров какого-либо растения и какого-либо животного. Далее, первая охватывает все бытие целиком, ибо вне и помимо бесконечного бытия не существует никакой вещи, так как не имеется вне и кроме; из вторых же каждая охватывает все бытие, но не целиком, ибо, помимо каждой из них, имеется бесконечное число других. Поэтому вам должно быть понятно, что все бытие находится во всем, но не целиком и не по всем модусам в каждом. Поэтому также вам понятно, что каждая вещь едина, но не по одному модусу. Поэтому не ошибается тот, кто называет единое бытие сущим, субстанцией, сущностью; как бесконечное безгранично сколь в отношении длительности, величины и силы, столь же в отношении субстанции, оно не имеет основания ни в начале, ни в чем-либо обусловленном началом; ибо вследствие совпадения всякой вещи в единстве и тождестве, – я говорю о том же бытии – оно приобретает абсолютное, а не относительное основание. Если в едином, бесконечном, подвижном, т. е. в субстанции, сущности, находится множественность, число, то последнее, будучи модусом и многоформностью сущего, обозначающего вещь посредством вещи, этим вовсе не делает сущего более, чем единым, но многомодусным, многоформным и многофигурным. Поэтому, размышляя серьезно вместе с натурфилософами и оставляя в стороне логиков с их фантазиями, мы находим, что все то, что имеет различие и число, есть чистая акциденция, чистая фигура, чистое восполнение. Всякое произведение, каково бы оно ни было, есть изменение; субстанция же всегда остается одной и той же. Ибо она только и едина, единосуща, божественна и бессмертна. К сущему относится мнение Пифагора, что оно не боится смерти, но ожидает изменения. Это удалось понять всем философам, вульгарно называемым физиками, которые утверждают, что ничто не порождается в отношении субстанции и не уничтожается, если не подразумевать под этим изменения. Это понял и Соломон; ибо он говорит, что ничто не ново под солнцем, то же, что есть, уже было раньше. Итак, вы видите, каким образом все вещи находятся во вселенной и вселенная – во всех вещах, мы – в ней, она – в нас. Так все сходится в совершеннейшем единстве. Вот почему мы не должны подавлять свой дух, вот почему нет вещи, из-за которой мы должны были бы приходить в уныние. Ибо это единство единственно и устойчиво, оно всегда пребывает; это единое вечно. Всякий лик, всякое лицо, всякая иная вещь – это суета, ничто. И все, что находится вне этого единого, является ничем. Те философы, которые нашли это единство, обрели себе в подруги мудрость. Мудрость, истина, единство фактически являются одной и той же вещью. Говорить о том, что истина и сущее одно и то же, умели все, но не все поняли это, ибо остальные прибегали к этому способу выражения, но не усвоили способа понимания истинных мудрецов. Среди прочих – Аристотель, который не нашел ни единого, ни сущего, ни истинного, так как не понял сущего как единого; и хотя он обеспечил себе возможность пользоваться значением сущего, общего, субстанции и акциденции, а кроме того различать свои категории в отношении родов и видов при помощи стольких же различий, тем не менее он в той же мере остался удаленным от истины благодаря тому, что не углубился в это познание единства и безразличия постоянной природы и бытия. Будучи сухим софистом, он при помощи недобросовестных объяснений и легковесных доказательств извращал суждения древних и сопротивлялся истине не столь, быть может, вследствие умственной вздорности, сколь в силу зависти и тщеславия.

Диксон. Так что этот мир, это сущее, вселенная, истинное, бесконечное, безграничное в каждой своей части есть все, так же как он является одним и тем же повсюду. Поэтому все, что есть во вселенной, чем бы только оно ни было по отношению к остальным частным телам, в отношении вселенной существует при помощи всего, соответственно своим способностям, ибо оно существует над, под, за, направо, налево и соответственно всем местным различиям, так как во всем бесконечном имеются все эти различия и нет ни одного из них. Всякая вещь, какую только ни взять во